

II

О ШАХМАТИСТАХ

Кто вы, гроссмейстер Спасский?

Многие люди, впервые встретившиеся со Спасским, отмечали, что он сразу же вызывал симпатию своей располагающей внешностью, доброжелательным и деликатным обращением, мягкой улыбкой. И это впечатление не было обманчивым.

Как правило, Борис Васильевич стремился делать людям добро. В силу своих возможностей он многим помог, причем в самых разнообразных жизненных ситуациях: одних поддержал материально, за других хлопотал перед властями, третьих ободрил участием и толковым советом. Б. Спасский не раз выступал в защиту гонимых и обиженных.

Помню, как тепло приветил он пожилого бедолагу-армянина Аркадия (кстати, во время своего матча с Т. Петросяном). Гораздо более известны его обращения в защиту культурного наследия России и письмо президенту Дж. Бушу, касающееся судьбы Р. Фишера. Все эти «разнокалиберные» эпизоды — явления одного порядка, отражающие моральное кредо Б. Спасского.

После второго матча с Р. Фишером (Югославия, 1992) Борис Спасский оказался обладателем более полутора миллионов долларов. На вопрос о том, на что потрачены эти деньги, он ответил так: «Полмиллиона съели французские налоги. Потом, мне совершенно неинтересно лежать в гробу с пачками денег. Какие-то деньги оставил в семье, а на остальные купил восемь квартир своим родным и друзьям».

Добавим, что указанные квартиры находятся в России — в Москве и Петербурге и что вряд ли в деяниях

отечественных чемпионов мира можно найти похожий поступок.

Любопытно отношение Б. Спасского к соперникам в шахматных соревнованиях. Не секрет, что современные шахматы, особенно на профессиональном уровне, являются примером острого и бескомпромиссного межличностного конфликта. Порой встречающиеся в печати идиллические рассказы о «друзьях-соперниках», которые чуть ли не готовы помочь друг другу проявить свое искусство в товарищеском споре на 64-клеточной доске, лишены основания.

В действительности развивается жесткая, а нередко и жестокая борьба, мобилизующая весь комплекс духовных и нервных сил человека. Указывают, что шахматы нередко вызывают неприязнь к противнику.

Эти суждения справедливы и часто отражают мысли и чувства шахматиста в процессе состязания. Г. Левенфиш говорил: «Мне не нужны друзья-партнеры. Для стимула в игре мне необходим только образ врага». Интересно следующее высказывание С. Флора: «Михаил Ботвинник — это человек, для которого — пусть и за шахматным столом напротив сидит брат, лучший друг, тренер — этот сидящий на время партии становится врагом. И относится он к своему противнику как к врагу, со всеми вытекающими отсюда последствиями».

Часто острое противоборство за доской сопровождалось возникновением неприязненных, а иногда и враждебных отношений между шахматистами. Укажем на следующие пары: Тарраш — Эм. Ласкер, Нимцович — Тарраш, Алехин — Капабланка, Бронштейн — Ботвинник, Корчной — Петросян, Корчной — Карпов, Каспаров — Карпов, Топалов — Крамник. Число подобных примеров нетрудно увеличить.

Борис Спасский может быть отнесен к тем немногочисленным представителям шахматной элиты, которые за доской не видели в партнере врага и не ввязывались в психологические войны после игры. Б. Спасский сохранил корректные отношения с Т. Петросяном и А. Карповым, а дружеские с П. Кересом и даже Р. Фишером.

Трудный, амбициозный характер Р. Фишера был «притчей во языцех». Он никому не доверял... кроме Спасского. Борис, не поступаясь собственным достоинством, сумел наладить откровенные и взаимоуважительные отношения с американским чемпионом.

В ряде случаев казалось, что, придерживаясь недостаточно жесткой позиции, Спасский вредит сам себе. Так, например, в 1972 году в ответ на «фокусы» Фишера он мог не играть матч и покинуть Исландию, сохранив мировую шахматную корону.

Может быть... Но тогда нет ответа на вопрос — достиг ли бы Спасский тех же вершин, обладая другим характером?

С шахматистами, с которыми прямой конкуренции не было, а также с другими людьми Б. Спасский вел себя как порядочный, честный и незлой человек. Мир элитных шахмат иногда сравнивают с банкой, полной пауков, поедających друг друга. Если даже эта характеристика лишь отчасти справедлива, то жизненный путь Б. Спасского не имеет с ней ничего общего.

Он никого не подставлял, доносов не писал, в каких-либо заговорах и интригах не участвовал, ссор и скандалов избегал. Спасскому завидовали, порой критиковали, но никто не мог сказать, что он причинил умышленное зло кому-либо.

Таков Борис Спасский по отношению к другим людям. Гораздо труднее познакомиться с его внутренним «я», отношением к самому себе. Здесь он, в лучшем случае, лаконичен. Любые попытки вызвать на откровенность, «поговорить по душам» жестко пресекались. Как правило, Борис Васильевич держал дистанцию в общении с другими людьми. Особенно это было заметно при контактах с любопытными журналистами.

Американский писатель, классик детективного жанра Роберт Ладлем заметил: «Никогда не давайте объяснений без крайней необходимости». Десятый чемпион мира обычно следовал этому совету. Однажды он подчеркнул: «Я всегда старался держать с людьми дистанцию. Знаете, как это бывает — братание, а на следующий день нож в спину. Это не мой стиль».

Своеобразный «железный занавес», которым окружил свою индивидуальность Б. Спасский, способствовал появлению ряда любопытных последствий. Одним из них стало отношение Б. Спасского к литературному творчеству.

В течение многих лет шахматный мир ждал от Бориса Васильевича книги о его спортивном и творческом пути. Порой казалось, что желаемое вот-вот сбудется. Но...

На пресс-конференции после победного матча с Т. Петросяном и завоевания мировой шахматной короны Б. Спасский заявил (в июне 1969 г.), что намерен написать книгу, посвященную анализу допущенных им ошибок на шахматной доске.

Спустя почти год, в феврале 1970-го, в интервью югославскому журналисту Д. Белице он уточнил: «Это будет книга о моих ошибках. В ней я расскажу о своих шахматных заблуждениях. Мне самому и другим шахматистам она будет полезна. Если бы я написал книгу о своих победах, она, может быть, была бы тоже интересна, но не так. Шахматист должен больше, чем кто-либо, учиться на своих огрехах. Самоуспокоение, самодовольство — это для шахматиста конец».

Похожие заявления делались с завидной регулярностью. Приведем некоторые из них. «Мне 60 лет. Все отыграл. Теперь я пенсионер. Пишу сейчас книгу «Вспоминки» о тех, с кем встречался, играл» (май 1997 г., интервью «Комсомольской правде»); «В советский период «под столом» подготовил две книги» (июль 2005 г., интервью Минскому телевидению).

Разочарованные любители шахмат упрекали Бориса Васильевича в лени. Наверное, отчасти они правы. Но не будем чересчур строги к чемпиону. Как-то в порыве откровенности он сказал: «Шахматист я от Бога, а журналистов таких, как я, пруд пруди... Вообще я творю с большим трудом, у меня нет таланта к этому делу».

Однако, как нам представляется, главной причиной отказа Б. Спасского от публикации серьезных материалов о своем творческом пути являлось описанное выше «табу», наложенное им на информацию о своем внутреннем мире, размышлениях и оценках.

Он прекрасно понимал, что ограничиться штампами вроде «я туда, он сюда — и у белых лучше» или «был в плохой форме — поэтому проиграл» он не имеет морального права. Поэтому хочешь — не хочешь, а придется раскрыться и правдиво рассказать читателю о находках и потерях, сомнениях и страхах, о вдохновении и трезвом расчете. Согласиться на такую своеобразную исповедь Б. Спасский не решился, хотя многое им все же было написано. О материалах, подготовленных в 60-е и 70-е годы прошлого века, могу сказать как непосредственный свидетель. Любопытны замечания самого Спасского: «Писал в основном для себя», «Черновики у меня море», «Книгу воспоминаний издадут только после моей кончины, не раньше» и т. п.

Любопытно высказывание В. Корчного, датирующееся 1999 годом: «Говорят, Спасский пишет сейчас книгу — мемуары, воспоминания... Нет, он ничего не напишет. Зачем нужна неоткровенная книга? Вот если бы он выразил себя, ему бы жилось легче, может быть, новые успехи пришли бы. Но это против его натуры, он такую книгу писать не будет. Он большой интроверт».

Интересно, что отмеченная скрытность характера Б. Спасского сочеталась с общительностью. Он любил компанию и умело развивал и поддерживал контакты с собравшимися. Обычно он стремился быть в центре внимания, и часто это ему удавалось. Помогали доброжелательный тон, тактичность и чувство юмора. Был он и интересным рассказчиком.

Он больше любил говорить сам, чем слушать других. Поэтому — с охотой участвовал в пресс-конференциях, свободных устных выступлениях, но терпеть не мог заседаний, разного рода коллективных обсуждений, а также каких-либо поучений.

Однако в обычных житейских ситуациях, и здесь Б. Спасскому надо отдать должное, он, в отличие от многих «знаменитостей», внимательно выслушивал обращавшихся к нему людей, причем независимо от того, кто это был — слесарь или генерал.

Итак, вроде бы прояснился образ десятого чемпиона мира как человека общительного, живого, любящего быть в центре внимания, охотно дающего советы, интересно

рассуждающего о шахматах и никогда не забывающего о доброй шутке.

Однако картина резко меняется, если речь заходит о том, что ограничено своеобразным мыслительным «железным занавесом». Здесь Борис Васильевич действует круто — либо умело меняет предмет обсуждения, либо использует маску, с помощью которой скрывается истина.

Так, говоря о Ботвиннике-шахматисте, свое мнение он заменил воспоминаниями о неумении Ботвинника плавать и т. п. Себя часто представлял таким мужичком-бодрячком, называл «чукчей 137». Утверждал, что после 60-ти им движут вино и карты (хотя в действительности они всегда были для него делом десятым). Подобных мистификаций, сродни клоунаде, было немало.

Впрочем, надо признать, что внешне Б. Спасский хорошо умел скрывать свои мысли и чувства. Р. Фишер говорил, что по виду Спасского не поймешь, «то ли он сам матует, то ли получает мат».

Б. Спасский рассказывал, что очень сильно волновался во время матча с П. Кересом (Рига, 1965). «Для того, чтобы снять возбуждение, я взбежал на десятый этаж. Хотя внутри все кипело, мне удалось сохранить маску спокойствия».

Указанная способность не раз помогала Б. Спасскому не только в шахматах, но и во многих острых жизненных ситуациях. Например, в период его хлопот о выезде на жительство во Францию (начало 70-х годов прошлого столетия) и др.

Бесспорно, что Б. Спасский обладал природным актерским даром. Он искусно имитировал манеры и разговоры ряда шахматистов, деятелей культуры и политиков. Особенно удачно он воспроизводил В. Батурина, Л. Полугаевского, В. Смыслова, а из политиков — Л. Брежнева. Пародийные выступления Б. Спасского пользовались большим успехом среди шахматистов. Говорили, что Спасский удачно прошел актерские пробы на одной из западных киностудий. Правда, на этом его артистическая карьера и закончилась (по инициативе самого чемпиона).

Правомерен вопрос: как объяснить возникновение необычного сочетания — глубоко скрытого от посторонних

внутреннего «я» и активной общительности и широты интересов в отношении других людей?

Среди возможных вариантов вероятной мне представляется следующая версия: после эвакуации из блокадного Ленинграда в детский дом в Кировской области маленький Борис столкнулся с большими трудностями — одевали плохо, кормили впроголодь, к тому же постоянно обижали старшие воспитанники. В таких условиях если что-то не скроешь, то отнимут. Поэтому приходилось ловчить. Этот суровый жизненный опыт мог оказать серьезное влияние на развитие характера мальчика. Впрочем, это лишь версия.

У многих шахматистов одним из наиболее строго хранимых секретов является их самооценка. Конечно, речь не идет о случаях сознательного преувеличения или преуменьшения уровня своих притязаний для дезинформации соперников. Мы говорим об откровенной оценке шахматистом своих сил и возможностей сравнительно с другими игроками. Очевидно, что от объективности самооценки во многом зависит исход противоборства за доской.

О подлинной самооценке Б. Спасского на протяжении многолетней шахматной карьеры известно мало, что не удивительно в связи с его особой скрытностью. Однако общую картину можно представить, опираясь на косвенные данные.

По-видимому, в течение длительного периода его амбиции соответствовали реальности или превышали объективный уровень притязаний лишь в незначительной степени. Такое превышение не было опасным и свидетельствовало о наличии активности и уверенности.

Заметные изменения начались в 1969 году. Став чемпионом мира, Б. Спасский оказался в новой для себя социально-психологической обстановке: повысилось внимание прессы и властей, появилось множество новых знакомых, в том числе льстецов и откровенных мошенников, резко возросли представительские обязанности и т. п. Испытание славой — одно из самых трудных жизненных испытаний. Этот строгий экзамен Б. Спасскому не удалось пройти без потерь.

Сначала он стал более категоричным в своих высказываниях. То, о чем раньше советовались, теперь изрекалось

как истина. Затем появились рекомендации и поучения в тех вопросах, в которых чемпион, мягко говоря, не был специалистом.

Все это еще можно было бы пережить, но неуклонно снижались объем и интенсивность работы над шахматами. Тогдашний заместитель председателя Спорткомитета СССР В. Ивонин, хорошо знавший шахматистов и тонко чувствовавший ритм шахматной жизни, писал: «Победы и успехи в шахматных сражениях были заслуженными, однако они вскружили Спасскому голову. Он всегда был высокого мнения о себе, а завоевав звание чемпиона мира, стал излишне самонадеянным, недооценивал других гроссмейстеров, в том числе и Фишера. Спасский в 1969—1971 гг. резко сократил шахматную работу и участие в соревнованиях, что, естественно, отразилось на практической игре».

Так или иначе, но подготовка к матчу с Р. Фишером была Б. Спасским в значительной степени свернута. Тренерам он дал понять, что независимо «от всех подготовок» в конкретной борьбе за доской он, как и раньше, снова переиграет американского чемпиона. Ведь недаром из пяти встреч с претендентом он три партии выиграл при двух ничьих.

Успокаивая себя приятными воспоминаниями о прошлых победах, Б. Спасский, к сожалению, игнорировал данные о заметном росте мастерства соперника и возможных неожиданностях его подготовки. Так, например, он высмеял предположение тренеров о применении Р. Фишером хода 1. d2-d4. Заметим, что в 6-й партии матча Р. Фишер избрал это начало. Б. Спасский проиграл партию в разгромном стиле. Неверная, в данном случае завышенная, самооценка стала одной из основных причин проигрыша Б. Спасским матча Р. Фишеру (Рейкьявик, 1972).

Скажем еще об одном значимом событии, когда судьба снова наказала Б. Спасского за излишнюю самонадеянность.

В 1974 году в Ленинграде состоялся его матч с А. Карповым, проводившийся как один из этапов состязаний на первенство мира. Перед матчем Б. Спасский провел три недели в горах Северного Кавказа, где активно занимался лыжным спортом. А затем, отвергнув рекомендации спе-

циалистов о необходимости 5–7-дневной акклиматизации после высокогорья, вернулся с юга лишь за два дня до начала ответственного соревнования. Матч А. Карпову он проиграл.

Спустя много лет, уже на исходе XX столетия, Спасский слегка приоткрыл бывшие тайны своей самооценки, сказав, что был сильнейшим шахматистом мира в течение семи лет (с 1964 по 1971 год). Это заявление не вызывает возражений, за исключением одного момента. Как известно, в 1966 году Б. Спасский проиграл матч на первенство мира Т. Петросяну. Может быть, он считал победу Т. Петросяна случайной и незаслуженной?

Мы уже говорили о стремлении Б. Спасского делать людям добро. Добро, как правило, ассоциировалось у него с понятием справедливости. И он искренне хотел способствовать установлению добра и справедливости в любимом деле — шахматах. Определенные недостатки в деятельности Советской шахматной организации он видел сам, о других был наслышан.

Став чемпионом мира, Б. Спасский решил, что момент настал и пора действовать. Друзья указывали на спорность, а подчас и наивность его конкретных планов. Но он, подобно Дон Кихоту, идеализировал ситуацию и не прислушался к советам более основательно подготовить свою акцию.

Б. Спасский горячо взялся за решение общественных проблем. Так, он принял деятельное участие в создании Комиссии гроссмейстеров. Однако это благое начинание вскоре потерпело крах, поскольку деятельность членов Комиссии живо напоминала о лебеде, раке и щуке из известной басни Ивана Крылова — каждый тянул в свою сторону, преследуя эгоистические цели.

Какие же причины не позволили Б. Спасскому стать успешным лидером в общественной деятельности? Думается, что некоторые из них обусловлены спецификой шахмат и присущи многим шахматистам.

Так, например, шахматы развивают иллюзорное представление об относительной легкости воздействия на других людей. Дело в том, что в процессе игры фигуры неукоснительно выполняют отданные им приказы. Так,

конь обязательно переместится с с3 на е4, если такова воля игрока. У шахматистов нередко складывается впечатление, что нечто подобное отличает и принципы управления людьми. Однако в жизни все сложнее — люди «просто так с с3 на е4 не ходят» — их надо организовать, заинтересовать и убедить, чтобы заставить подчиняться.

А вот вести за собой, сопереживать и убеждать шахматисты, пришедшие в политику и общественные структуры, не умели. Среди прочего вспомним неудачи Г. Каспарова в организации профессиональных шахматных ассоциаций и в политике.

Отметим еще индивидуальный характер шахматной деятельности, который нередко стимулирует развитие эгоизма, завышенного уровня притязаний и своеобразного психологического одиночества. Поэтому коллегиальность — редкое явление среди шахматистов. Индивидуализм порой становится непреодолимым препятствием на пути достижения единства. Б. Спасский, находясь в роли лидера, не раз мог в этом убедиться.

Лидерству Б. Спасского в общественных делах мешали и некоторые особенности его отношения к людям. Отметим излишнюю доверчивость, позволявшую разным хитроумным деятелям использовать его в своих интересах.

Таковой, к примеру, была деятельность соучредителя шахматной школы «Свешников — Спасский». В конце концов Б. Спасский разобрался, что к чему, заметив: «Свешникова я оттуда со временем выкурил — не сошлись с ним в убеждениях». Похожих коллизий было немало, и каждая из них отнимала нервы и творческие силы.

Борис Васильевич не должен расстраиваться из-за того, что не стал видным общественным деятелем. В последние годы он принес нашему обществу большую пользу, занявшись пропагандой шахмат в Российской провинции.

Б. Спасский проехал всю Россию — от Балтики до Тихого океана, выступая с лекциями и сеансами одновременной игры и проводя занятия с детьми. В программу вошло и посещение бывших советских республик — в частности, Белоруссии и Армении.

Особое внимание уделялось детским шахматам. На пресс-конференции в Минске (июнь, 2005) Б. Спасский

сказал: «Занимаюсь развитием детских шахмат. В свое время, когда я жил в Союзе, мне безвозмездно помогали хорошие тренеры. Сейчас возвращаю должок. Увы, приходится признать, что в России грустная картина с развитием шахмат. Но не может не радовать, что родители с удовольствием сажают детей за доску, желая таким образом оторвать их... от телевизора, наркотиков, улицы. Я постоянно езжу по детским турнирам».

Наверное, в занятиях с детьми и поездках по городам и весям любимой России Б. Спасский нашел то душевное удовлетворение, о котором мечтал давно.

Непросто говорить о политических взглядах десятого чемпиона мира. За более чем полвека «взрослой» жизни он в своих выступлениях и публичных лекциях, в многочисленных интервью и неформальных беседах высказал огромное количество политических суждений и оценок самого разного толка, но все же можно выделить две главные темы: 1) антикоммунизм и критика советской власти и 2) поддержка и пропаганда идей русского национализма.

Свое негативное отношение к власти Б. Спасский проявил еще в студенческие годы, когда в сатирическом плане изображал В.И. Ленина, Ф.Э. Дзержинского, Н.С. Хрущева и др.

В дальнейшем его острым словом были отмечены самые разнообразие стороны жизни в СССР: организация колхозов, преследование казаков, строительство электростанций, монополия внешней торговли, битва за Берлин, проблема «власовцев» и «лесных братьев» в Прибалтике, разрушение большевиками природы, цензура порнографии и т. п. и т. д.

Странными выглядели многие его заявления. Например, о бездушном отношении власти к нуждам молодежи. Однако без внимания этой власти вряд ли раскрылся бы талант самого Спасского. В 10-летнем возрасте он был замечен, ему дали государственную стипендию, превышавшую средний заработок инженера. Для мальчика и семьи, влачившей нищенское существование, это было спасение.

И в дальнейшем он много получал от властей: награды, квартиры и другие льготы. Все это он без возражений принимал.

В политике Б. Спасский оставался одиночкой — ни в какие диссидентские группы не вступал и сторонников не вербовал. В отличие от шахматистов Л. Пахмана и Г. Каспарова, сочетавших слова критики с антиправительственными действиями, Б. Спасский ограничивался разговорами.

Возможно, поэтому власти посчитали фрондерство Спасского неопасным и решили потерпеть, надеясь, что чемпион в конце концов остепенится.

В конце 70-х годов, после переезда во Францию, Спасский стал чаще говорить о судьбах России и русского народа. Возможно, это объяснялось тем, что его жена происходила из старой дворянской семьи выходцев из России.

Он с почтением отзывался о П. Врангеле, А. Деникине, А. Колчаке и, особенно, о деятельности П. Столыпина. Касаясь современной истории, он заявлял, что категорически не приемлет Ельцина и Горбачева, которые, по его мнению, не перестроили, а разорили Россию.

Приведем характерные для последнего периода высказывания Б. Спасского: «Я очень горжусь, что мне удалось стать чемпионом мира и для своего русского народа завоевать этот титул», «По своим убеждениям я русский националист. Фашистом и антисемитом себя не считаю».

Продолжая критиковать российские порядки, он не милует и зарубежье. Крепко достается от него как западноевропейским демократиям, так и американским «колонизаторам».

Каковы же истоки столь дерзких заявлений из уст человека, выросшего в СССР и получившего здесь всенародные известность и славу?

За годы совместной работы с Борисом Спасским у меня сложилось мнение о нем, как о «прирожденном оппозиционере». Это определение выражало, может быть в чересчур категоричной форме, отношение Спасского к предлагаемым оценкам шахматных позиций, способам тренировки, а также к разнообразным другим «вторжениям» извне.

Его первой реакцией было «нет» в ответ на подавляющее большинство предложений и оценок. Правда, потом, подумав, Борис Васильевич мог изменить свое отношение. Так бывало. Но если отклоненный поначалу сигнал повто-

рялся и начинал надоедать, то Спасский гневался и уже надолго (если не навсегда) отвергал такое предложение.

По-видимому, подобная реакция, в виде антикоммунистической риторики, возникла в ответ на неуклонную советскую пропаганду. Позднее Б. Спасский продемонстрировал и негативное отношение к агрессивному настрою средств массовой информации США и ряда стран Западной Европы.

Свои политические выпады, необычные и смелые в советские времена, Б. Спасский часто использовал для привлечения к себе внимания. Он любил находиться в центре компании — и своими политическими «кульбитами» нередко достигал цели.

Кроме того, этим способом он проводил проверку людей. Шокируя собеседника, как правило, типичного советского человека, боявшегося всех и вся, он стремился по его реакции понять: сохранит ли тот разговор в тайне, донесет или ограничится беседой с друзьями.

В известной английской пословице говорится, что у каждого «свой скелет в шкафу». Действительно, почти в каждой семье есть тайны, о которых никто посторонний не должен знать. Может быть, описанные выше политические суждения возникли как следствие событий, о которых не дано знать. Может быть.

Как-то Спасского спросили: «Не могли бы вы рассказать о своей личной жизни?» Он ответил: «К сожалению, не могу. Это моя частная жизнь. Это я хочу оставить для себя». Не будем и мы чересчур любопытны.

Какое же место уготовано Б. Спасскому в истории шахмат? Полагаем, что на его долю выпала важнейшая роль в развитии современных шахмат — он первенствовал тогда, когда произошел эпохальный переход от старых, классических шахмат к шахматам, которые назовем коммерческими. Его партнером в этом процессе был Роберт Фишер, а кульминацией преобразований стал матч на первенство мира между ними в Рейкьявике, в 1972 году.

Остановимся подробнее на главных событиях периода перемен. Во-первых, состязание между Спасским и Фишером было первым матчем на первенство мира, имевшим

заметное политическое значение и ставшим памятным эпизодом «холодной» войны между СССР и США.

Во-вторых, в тот период в шахматы впервые пришли большие деньги. Напомним, что призовой фонд матча в Рейкьявике составлял 250 000 долларов — очень крупную сумму по тем временам.

В-третьих, при Спасском соревнования на первенство мира стали приобретать острые черты жесткого, почти скандального противоборства. Если в поединке 1969 года между Т. Петросяном и Б. Спасским участники и организаторы вели себя по-джентльменски, то в Рейкьявике все приличия были забыты. Инициатором скандалов были Р. Фишер и его сторонники, но Б. Спасский мог пресечь все эти выходки, на законных основаниях отказавшись играть матч. Однако он этого не сделал.

К сожалению, дальнейшая история соревнований на первенство мира оказалась насыщенной примерами недостойного поведения ряда участников и их помощников. Укажем на матчи Карпов — Корчной (Филиппины, 1978), Крамник — Топалов (Элиста, 2006) и др.

И, наконец, в-четвертых, Б. Спасский и Р. Фишер были последними чемпионами, имевшими сравнительно небольшое число помощников (например, в Рейкьявике — 3 у Спасского и 2 у Фишера).

В дальнейшем число лиц, непосредственно связанных с обслуживанием участников, круто возросло. Наряду с шахматными аналитиками в состав команды входили пресс-атташе, врач, физрук-массажист, повар, психолог, телохранитель, другие сотрудники, иногда адвокаты и работники безопасности, а также жены и прочие родственники. Образно говоря, на смену прошлым индивидуальным хозяйствам пришли мощные колхозы, постоянно увеличивающиеся по закону Паркинсона.

Создание столь многочисленных команд, на наш взгляд, не было необходимым. Ряд членов этих новообразований откровенно бездельничали и занимались внутренними интригами.

Однако в деле воздействия на общественное мнение и привлечения симпатий к своему игроку эти команды, при

хорошей организации и умелом руководстве, могли принести значительную пользу.

Так, во время матчей между А. Карповым и Г. Каспаровым (80-е годы прошлого столетия) группа поддержки последнего вела успешную борьбу за общественное мнение.

Завершая наше краткое описание жизни и творчества десятого чемпиона мира, хотелось бы подчеркнуть, что в своей работе мы стремились избежать тенденциозности, умолчаний, ненужного славословия или повышенного внимания к несущественным мелочам.

В данном случае мы хотели правдиво представить разностороннюю и интересную личность Бориса Васильевича Спасского, во многом симпатичного нам человека. Насколько это удалось — судить читателю.